

А. Тесмен

ВИРТУАЛ

ч.2 КАРАНТИН

12+

Алексей Тестон

Виртуал. Часть 2. Карантин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58649673

SelfPub; 2020

Аннотация

Поль Иванович Монро успешно ушёл от преследования и создал свою лабораторию в Казани. Теперь он сам руководит исследованиями по виртуалам, но старший советник КГБ отказывается выполнять приказ начальства и продолжает поиски Монро. Страх перед неизвестностью побеждает, и правительство готово санкционировать арест Монро и его изоляцию на Луне, но слишком поздно. На Земле уже несколько виртуалов. Операция по задержанию проваливается. Начинается эвакуация правительства и ряда ведомств. Население брошено, планета объявлена карантинной зоной, её берут на прицел патрульные корабли. Однако Монро уверен, что запущенные процессы необратимы, и у человечества нет пути назад.

Комната, уставленная экранами с пультом управления во всю стену, за которым сидит молодой человек. Рядом стоит Рябинин.

– Давно он так? – Рябинин смотрит на экран, где человекоподобное существо скалиться и царапает когтями дверь. Обрывки одежды, свисающие с сильного смуглого мускулистого тела, едва прикрывают существо.

– Да третий час, Захар Андреевич. Не реагирует ни на что.

– У него на ногах тоже когти что ли?

– Да, он прямо по стене тут бегал. Видите, какие царапины на обшивке?

– Действительно. Проверяли на речевую реакцию.

– Семён бился, но бесполезно, спит сейчас у себя в кабинете.

– Петя, включи мне микрофон, попробую.

– Не вопрос, – Пётр щелкнул тумблером. – Пользуйтесь.

– Шабанов, вы меня слышите?

Существо замерло, озираясь по сторонам.

– Шабанов, это Захар Андреевич Рябинин. Если вы меня узнали, покажите ладони вверх. Ладони вверх Шабанов.

Существо-Шабанов продолжало озираться по сторонам, потом присело на одну ногу и показало ладони вверх.

– Молодец, – Рябинин шепотом обратился к Петру. – Наручник стеной выдвини.

Пётр нажал кнопку, и небольшой кусок стены на уровне груди повернулся внутрь комнаты, на нём был закреплён ме-

таллический само застёгивающийся браслет на цепи. Существо вскочило и прижалось к противоположной стене, внимательно глядя на наручник и реагируя взглядом на каждый звук.

– Шабанов, вы знаете процедуру. Подойдите к наручнику и пристегните себя, вы должны доверять мне, иначе разговора не будет. Шабанов, я обращаюсь к вашему сознанию, меня зовут Рябинин, вспоминайте.

Озираясь, Шабанов отделился от стены и подошёл к наручнику, шумно втянул носом воздух. Взял в руки, покрутил на цепи, легонько подергал, склоняя голову то в одну, то в другую сторону. Потом резким движением рванул цепь, она не поддалась, мышцы пошли буграми, оскал усилился. Ещё мгновение и Шабанов бросил к дверям оторванный браслет. Пётр присвистнул:

– Вот это силища. Не может быть. Представляете, что было бы, если бы он оторвал её, когда вы вошли к нему?

– Хорошо, что не вошёл, – медленно произнёс Рябинин. – Силовая группа на месте?

– Охрана у двери, в коридоре, ждут команды.

– Запускай газ и скажи парням, пусть готовятся.

Рябинин наблюдал за существом на экране. Пётр сообщил охране готовность и защёлкал тумблерами. В комнате ничего не происходило, но существо начало принюхиваться, потом заметалось, зарычало, стало прыгать на стены, оставляя глубокие шрамы на мягком покрытии. В какой-то момент оно

остановилось и, через мгновение рухнуло.

– Проверь активность.

– Минуту. Так. Отрубился. Пульс едва прощупывается.

Спит.

– Пусть пакуют его и пусть утром Монро с ним разбирается.

– Парни, заходите, он спит. Открываю дверь.

Массивная дверь плавно скользнула в сторону. Два охранника осторожно вошли в помещение. Первый достал наручники и приблизился к лежащему на полу. Второй оставался чуть сзади с пистолетом-разрядником.

– Вроде готов.

– Давай, застегивай его.

Первый склонился с наручниками к существу, которое неожиданно открыло глаза. Раздался крик, второй охранник выстрелил, но существо прикрылось телом первого, которое стало дергаться в электрических разрядах. Потом Шабанов, не вставая с пола, подтянул колени к животу и двумя ногами бросил одного охранника на второго, они оба вылетели из помещения через дверь. Второй охранник ударился о стены и выронил разрядник.

– Дверь, Петя, дверь!

Пётр стучал по кнопке. Дверь стала медленно закрываться. Существо рывком встало на ноги и бросилось в дверной проём. Второй охранник приоткрыл глаза и свалил с себя первого. Оставшийся проём оказался слишком узким, и су-

щество застряло в нём, напрягая все силы, чтобы разжать дверь. Механизм начал скрежетать, под напором мускулов. Охранник глядя в глаза, торчащей в коридоре головы, пытался дотянуться до разрядника, который лежал ближе к двери. Существо поняло его движение и рвануло дверь со всей силы, раздался выстрел, ещё один, ещё. Существо корчилось в разрядах маленьких молний, силы покинули его, мышцы ослабли, механизм продолжал работать, дверь пережала шею и продолжала давить, голова существа задергалась, и повисла в коридоре.

Захар и Пётр молча наблюдали за происходящим на экране.

– Надо открыть дверь, он умрёт.

– Нет, Захар Андреевич, сначала проверьте.

– Но он умрёт!

– А если он жив, могут умереть пацаны! У меня инструкция.

– Чтоб вас, – Захар выбежал из комнаты.

Через несколько секунд он появился на экранах в коридоре.

– Как ты?

Охранник только кивнул на вопрос. Захар Андреевич склонился ко второму.

– Пульс есть.

Потом повернулся к висящей голове. Открыл веко. Проверил пульс.

– Открывай, Петя.

Дверь отъехала в сторону, и существо рухнуло на пол.

– Пётр, вызови врача. Разбуди Семёна, и идите оба сюда.

Поможете мне с этим телом разобраться.

Утро. Монро в кабинете за столом буквой Т склонился над листком бумаги. Дверь открывается и, входит Рябинин со злым выражением лица, останавливается у стола напротив Монро, начинает барабанить пальцами, глядя в сторону. Монро молча смотрит на него исподлобья.

– Не получилось?

Захар молча взглянул на Монро и снова отвернулся.

– Перестань, пожалуйста, стучать пальцами. Захар, я прошу, успокойся, присядь. Это у нас шестой, кажется?

– Шестой за месяц. Ты превратил нашу лабораторию в бойню. За полгода двадцать пять человек.

– Двадцать четыре, по-моему.

– Сегодня двадцать пять.

– Захар...

– Поль!

– Не надо начинать.

– Но сколько это будет продолжаться? Мы запикиваем их в камеры как подопытных кроликов. И уничтожаем, каждый раз. И каждый раз одно и тоже.

– Сядь, прошу. Сядь.

Рябинин сел. Монро встал и пошёл вдоль кабинета.

– Захар, я тебе уже десятки раз говорил, что ты должен быть к этому готов. Возможно, сотню раз, может быть больше. Мы никого не привлекаем насильно. Все наши подопытные добровольцы. Что здесь не гуманного или противоестественного?

– Ты, видимо, совсем утратил понятие гуманности за десять тысяч виртуальных лет. Это люди, личности. У них есть...

– Хватит, – Монро резко повернулся к окну лицом. – Я знаю, что у них есть, я всё знаю, но для меня они добровольцы на испытание. Испытатели-исследователи. Для тебя должно быть точно также.

– Ты монстр, и из меня делаешь монстра.

– Захар, – Поль повернулся к нему, и устало посмотрел на Рябинина. – Вы в лаборатории за двести лет сделали больше. Искалечили кучу народа. Мои методы просто форсируют время. Других вариантов не будет всё равно. Ты точно также был готов превратить меня в лабораторную крысу, и ещё с десятков других. Резкий обрыв сохраняет больше объёма памяти. Тебе это известно. Я был добровольцем. Если ты считаешь, что этого мало, то можешь сам попробовать. Полагаю тебе нужно отдохнуть. Полгода большой срок для этой работы.

– Я не устал.

– Хорошо. Что с моими анализами крови?

– Результаты неопределённые. Пройдёшь ещё раз скани-

рование мозга?

– Возможно, возможно. Но давай дня через три. Много работы.

Рябинин идёт по коридору лаборатории. Из боковой двери в коридор выходит молодая девушка.

– Захар Андреевич, там новые испытатели прибыли. Вы со всеми сразу будете говорить или по одному?

– Верочка! Сколько тебе раз говорить, что я работаю с ними индивидуально! – и немного сбавив тон. – Извините, но пора запомнить. Сколько их?

– Три человека. Анкеты у вас на столе, – Верочка говорила чуть-чуть обижено.

– Я сейчас читаю, анкеты и через десять минут можешь заводить. Кстати, нам не нужна секретарша? Тебя административные вопросы не отвлекают от основной работы?

– Нет, Захар Андреевич. Работы не очень много, поэтому я справляюсь. Но на ваше усмотрение. Если не справляюсь, то ищите секретаря или секретаршу, как вам больше нравится, – Вера смотрела с вызовом.

– Вера, я не хотел вас упрекнуть. Идите, работайте. И предупредите всех, что сегодня после 18-00 общий сбор в кабинете и начальства.

– В смысле у вас?

– Нет, в смысле у начальства. Хватит показывать характер, и напоите этих испытателей чаем.

– Будет сделано, шеф, – Верочка резко повернулась и зашагала прочь.

Рябинин укоризненно качнул головой и пошёл дальше по коридору. У одной из дверей с надписью З.А. Рябинин он остановился, открыл дверь и вошёл в кабинет. На столе аккуратной стопочкой лежали анкеты испытателей. Андрей Захарович налил себе чаю, отхлебнул и поудобнее устроился, протягивая руку к первой анкете.

– Так, что там у нас, – пробурчал он себе под нос. – Странно-странно, где-то я видел это лицо. Ага. Нет.

Рябинин застыл с листком бумаги, какая-то мысль заворочалась у него в голове. Он покусывал губы, то верхнюю, то нижнюю, не отрывая невидящего взгляда от бумаги.

– Так, – наконец-то произнёс он, откладывая анкету. – С тобой позже.

Потом бегло просмотрел две оставшиеся анкеты. Снял трубку телефона.

– Алло, Верочка?

– Да.

– Сурикова первого, потом Путеева, последний Кудяхин. Жду.

Дверь в кабинет Рябинина открылась, и на пороге появился молодой человек.

– Здравствуйте, Захар Андреевич, – парень смело вошёл в кабинет.

– Суриков?

– Суриков.

– Присаживайтесь, – когда Суриков уселся напротив, Рябинин поднял на него глаза. – Михаил Валентинович, 20 лет, закончил, получил, родители. Вы знаете, в чём будет заключаться ваша работа?

– В объявлении значилось, что вам требуются добровольцы по исследованию работы головного мозга. Возможны побочные эффекты, поэтому работа опасная.

– И почему вы решили к нам присоединиться?

– Исследования мозга человека остаётся актуальным на протяжении тысяч лет, это как космос. Сегодня также бесконечно неизвестен, как и сотню лет назад. Мне было бы интересно, – как по бумажке оттарабанил Суриков.

– А как же побочные эффекты? Не боитесь стать дурачком?

– Дурачком?

– Да, дурачком, полоумным, дебилом, пускающим слюни и гадящем в собственные штаны. Как вам такая перспектива? – Рябинин повышал голос на каждом слове, произнося его громко и отдельно.

– Почему вы так агрессивны? Я вам не подхожу? Так бы и сказали, зачем пугать?

Захар откинулся на спинку стула, и снисходительно посмотрел на Михаила Валентиновича, потом произнёс немного с иронией.

– А я вас не пугаю, я сообщаю вам факты о нашей работе. Если вы готовы в 20 лет рискнуть своей жизнью с невнятным результатом, то вперёд. Через десять минут вас поместят в камеру, а через сутки вы можете умереть, стать гением или сойти с ума. Из всех прошедших испытание в относительно нормальном состоянии только двое, но и то в психушке под наблюдением.

– Это действительно так опасно?

– Да, Михаил Валентинович, это крайне опасно. Это даже опаснее, чем испытывать самолёт.

– Если это надо для развития человечества, я согласен. Ведите меня в камеру, – обречённо, но решительно заявил парень.

Лицо Рябина как бы вытянулось. Он шевелил губами, но не выдавал ни звука. Потом раздалось что-то нечленораздельное. Суриков с испугом взглянул на Захара.

– Твою мать! – выдохнул Рябинин. От неожиданности Михаил вздрогнул и отпрянул от стола. – Всё пошел вон, болван! Мне только юнцов здесь не хватало. Для человечества надо! Для человечества может чего и надо, а мне здесь только мальчиков кровавых не хватало на старости лет! Чего сидишь, Михаил Валентинович? Топай, живи, у нас не война, лет через двадцать придёшь, если не передумаешь.

Когда за Суриковым закрылась дверь, Рябинин достал из ящика стола таблетку и сунул под язык. Закрыв глаза.

– Разрешите?

Захар взглянул на пожилого толстого человека.

– Путеев?

– Он самый, он самый, – вошедший без всякого разрешения уселся на стул, тяжело дыша. – Не женат, детей нет, астма.

Путеев сделал паузу, достал платок и вытер пот со лба и шеи.

– Полагаю я вам подхожу.

– Почему?

– Потому что в этом деле вам нужно мясо. Сопляка этого выгнали, видать из жалости. А меня жалеть не надо. Я пожил. Да, да, пожил, повидал, похоронил, – Путеев на секунду запнулся, и произнес тише. – Похоронил многих.

Потом продолжил более живо.

– А сейчас просто проживаю, пользы от меня никакой. Так, балласт человечества. В космос уже не берут, да и здесь особо работы нет. Возраст, плюс здоровье. Думаю, я вам подойду. Мозг то у меня ещё функционирует, – Путеев тихо захихикал. – Берёте?

Рябинин долго смотрел на него. Путеев снова достал платок высморкался. Долго засовывал платок в карман.

– Вы работали на нескольких планетах вне нашей галактики?

– Работал, работал. Там всё указано, – Путеев кивнул на анкету.

– Вам надо написать прощальное письмо, обращение ко-

му-либо?

– Нет. У меня была дочь, но погибла в аварии. Банальная авария. Здесь на уютной планетке. Машина сошла с трассы. Ей было всего восемнадцать. Жена не выдержала, умерла через два года. Я полез в самые опасные места, чтобы забыть. Но забыть не смог. Здоровье только подорвал. Теперь, вот, ожирел, одышка.

– Может быть, хотите оставить что-то типа мемуаров. На видео или надиктовать.

– Нет. Это банальная история и жизнь моя обычная самая для нашего времени. Вызывайте уже вашу девушку и ставьте на довольствие.

– Хорошо. Вы меня убедили, – Рябинин взял трубку телефона. – Вера, подожди. Путеева оформляй, выдай ему всё, что положено, проводи в его комнату и объясни наши правила проживания. И давай ко мне третьего, Кудяхин, кажется? Жду.

Дверь открылась, на пороге появился высокий, широкий в плечах, темноволосый парень лет двадцати пяти. Он широко улыбнулся и громогласным голосом поздоровался. Рябинин несколько секунд оценивал вошедшего. Парень продолжал, улыбаясь, стоят в дверях.

– Да, впечатляет. А что вы стоите-то, проходите, – Рябинин указал рукой на стул.

– Спасибо.

– Ну-с, приступим, – начал Захар. – Цель участия в проекте?

– Помочь научному прогрессу, получить опыт.

Рябинин улыбнулся.

– Вы прямо как на экзамене определения отчеканиваете.

Сами-то оцениваете уровень опасности.

– Я специализируюсь на реабилитации психических отклонений, связанных с экстремальными перегрузками. Полагаю, мои знания и опыт могли бы пригодиться.

– Да-да, это возможно, – довольно произнёс Захар. – А вам приходилось работать с пациентами, связанными с работой в космосе?

– Конечно, это приличный поток моих пациентов. Космос очень не прост для человечества. Адаптация на других планетах может проходить очень сложно, плюс аварии, катастрофы, которые неизбежны. Потеря близких товарищей. Всё это стрессовые ситуации, требующие психологической разгрузки.

– Это действительно интересно. А вам не приходилось работать год назад с сотрудниками космопорта?

– Вас интересует конкретный космопорт или вообще?

– Здесь, на Земле. Может быть, слышали, в прошлом году был серьёзный сбой в работе одного космопорта? – осторожно спросил Захар.

– А! Да, я помню эту историю. Но смутно. Я запомнил её, потому что там начальник космопорта был Кудахин. Имя

сейчас не помню. Мы однофамильцы, поэтому событие осталось в памяти. Там работали несколько моих однокурсников. Пятый уровень опасности довелось пережить немногим людям, а там вообще странность на странности. Давление на людей было оказано очень сильное, на грани, можно сказать. Простите, – Кудяхин внимательно посмотрел на ставшего совершенно отстранённым Рябинина. – Простите, но вы меня не слушаете. Я бы даже сказал, не слышите.

– Нет, что вы. Просто задумался. Значит, однофамильцы. Знаете, вы нам не подходите.

– А мне показалось, что вы очень заинтересованы во мне.

– Вам показалось. Всего вам хорошего. Если заблудитесь,

Верочка вас проводит к выходу.

– Спасибо, не заблужусь.

На пороге Кудяхин обернулся. Рябинин, прикрыв глаза, растирал пальцами правый висок.

От звонка телефона Рябинин вздрогнул, посмотрел на закрытую дверь кабинета. Телефон продолжал звонить.

– Слушаю.

– Захар Андреевич, я всех проводила. Сейчас почти шесть, наши почти все у Поля Ивановича.

– Я понял. Сейчас подойду.

Кабинет Монро. Десяток сотрудников вокруг стола и на стульях около стены. Монро во главе стола. Открывается

дверь, входит Рябинин.

– Проходи, Захар Андреевич. Тебя ждём.

Рябинин сел на ближайший стул.

– Начнём, дорогие мои, – Монро оглядел все присутствующих, и улыбнулся. – У нас сложилась довольно тяжёлая атмосфера в эти дни. Видимо, все устали. Так бывает. Поэтому предлагаю обсудить не текущие вопросы, а всеобщий перерыв на неделю, может быть две.

– А потом опять опыты будем ставить? – ехидно спросил мужчина лет сорока с небольшой бородкой.

– Да, Антон Николаевич, – серьёзно ответил Монро. – Будем. Мы с Захаром Андреевичем собирали вас для определённой работы. Некоторые из вас уже имели опыт подобных экспериментов. Полагаю, вы все знали, что вас ожидает. Мне не хочется говорить лозунги. Я обращаюсь ко всем. Лозунги, для меня лишнее. Если вам они нужны, тогда вы знаете, что все мы солдаты науки. Мы готовы жертвовать собой ради знаний, которые могут принести человечеству пользу. Люди, которые испытывают наше оборудование, ставят эксперименты над собой, такие же солдаты, как и вы. Я сам лежал в такой же капсуле, и вам это известно. Провожая каждого такого испытателя, мы провожаем его в бой, в битву с неизвестностью, безграмотностью за человечество, за науку, за прогресс. Из боя возвращаются не все. Точнее многие не возвращаются. Гибель каждого добровольца не напрасна. После каждого боя у нас накапливается опыт, и рано или

поздно мы победим. Только такая концепция должна быть в ваших головах. У кого другая, он может уйти. Может встать прямо сейчас и уйти.

Монро замолчал, вглядываясь в притихших коллег.

– Простите, Поль Иванович, – начал молодой худощавый парень в очках и белом халате.

– Говори, Семён.

– А разве нельзя пойти другим путём? Изменить способ выхода из виртуального мира? Захар Андреевич, говорит, что это максимально безопасно, по сравнению с резким обрывом.

– Да, Захар Андреевич прав. Но в этом случае, у человека остаётся очень мало информации, которая почти не пригодна. Все интересные случаи были спонтанными или резкими, как ты сказал. Всё остальное относится к потере времени. Так, Захар Андреевич?

– Ну, я не совсем согласен.

– Тогда приведи нам пример удачного эксперимента на Лунной базе с медленным плавным переходом?

– У меня такого нет, но есть масса примеров неудачного эксперимента с резким выходом.

– Захар Андреевич, не надо заниматься популистской политикой и демагогией. Я задал вам простой вопрос. Ответ прост. Все ваши опыты по плавному выходу из виртуального мира закончились ничем, и среди них также было множество трагических, если не связанных с обрывом жизни напрямую,

то в психбольнице умерли многие. Следовательно, назвать плавный выход гуманным и безопасным также нельзя. А положительные примеры по резкому выходу привести можно. Значит, мы идём в верном направлении, возможно, немного его форсируем. Наши товарищи добровольцы-испытатели гибнут, и это вас угнетает, но поверьте, придёт время, и мы будем гордиться, что делали своё дело. Хотя это очень тяжёлое дело.

– И всё же хотелось бы снизить риск.

– Антон Николаевич, можно всю жизнь изучать космос в телескоп, а можно полететь к далёким галактикам. Сколько моряков не вернулось домой, пока они искали новые земли, шагая в неизвестность? Сколько испытателей не вернулось на землю, пока человек не освоился в небе? Сколько космонавтов погибло, открывая новые миры и горизонты для человечества? Вы знаете эти цифры? Вы знаете их имена? – Монро сделал паузу, взглянул на лица. – Я тоже их не знаю. Отдельных, успешных, знаменитых, но не всех, далеко не всех. Они своими жизнями прокладывали дорогу человечеству. Сегодня мы отправляем наших добровольцев исследовать мозг. Он до сих пор остаётся не меньшей загадкой для человечества, чем космос. Мы пытаемся приблизить эту неизвестность к нам, понять её. И плоды, положительные плоды этой работы уже есть. И это самое важное, чтобы продолжать её.

Монро откинулся на спинку стула.

– Тогда давайте обсудим, как мы будем отдыхать. У меня есть несколько предложений.

– Верочка, вы всех опустили на землю. Для вас наука и шашлыки равноценны.

– Конечно, Антон Николаевич, мне еще можно равноценно заниматься наукой и шашлыками, а вам только наукой, – колко ответила Вера на едкую реплику.

– Почему это ещё?

– Потому что ещё чуть-чуть и из-за вашего пуза в лаборатории не протолкнёшься.

Раздался лёгкий смех. Антон Николаевич возмущенно свёл брови и приподнялся со стула.

– Ну, знаете, милочка.

– Прошу вас. Антон Николаевич. Давайте не будем заходить слишком далеко. Спишем всё на не дипломатичность молодости, – снисходительно улыбаясь, Монро одновременно указательным пальцем пресёк попытку Веры возмутиться. – Вера, дорогая наша, у вас было несколько предложений. Давайте их обсудим.

– Хорошо. – Вера встала со своего места и раскрыла папку.

Вечер. Рябинин идёт по аллее, освещённой слабым светом фонарей, растворяющихся в сумерках. Сзади раздаются торопливые шаги.

– Захар Андреевич, постойте.

Рябинин обернулся. К нему, замедляя шаг, подошёл Ку-дахин.

– Что вам надо, молодой человек? – устало спросил Захар.

– Мне надо с вами поговорить.

– Мне, кажется, мы обо всём поговорили.

– А мне, кажется. Нет, я уверен, что вы что-то хотели от меня. Хотели мне что-то предложить, очень важное, но не смогли.

– Что за глупости?

– Это не глупости, Захар Андреевич. Вы забываете, кем я работаю. Вы провели со мной вдвое больше времени, чем с двумя предыдущими добровольцами. Вы приняли меня последним.

– Что из того? Как Вера завела, так и принял.

– Нет. Вы дали указание Вере, чтобы меня приняли последним. Это факт. Длительность разговора – это косвенный факт. Но интерес ко мне вы потеряли в тот момент, когда узнали, что я однофамилец начальника космопорта.

– Это чушь. Всё это чушь! Вы напридумывали себе всякого! Шли бы вы домой.

– Не надо так кричать, профессор. Это только дополнительно выдаёт вашу защитную реакцию. В жизни вы человек спокойный, даже кроткий. Поэтому при надуманности моих заключений, вы бы просто снисходительно посмеялись. Я специалист высокого класса. Я хочу вам помочь, потому что вы нуждаетесь в помощи. А ещё потому, что во всём этом

есть огромная тайна, которую очень тщательно скрывают от всех. Уровень её я не знаю, но я готов на многое, чтобы её узнать.

– Какая ещё тайна, Кудахин? Простите, не помню вашего имени.

– Андрей. Меня зовут Андрей. Тайна без сомнения есть. Я за свою работу, почти ни разу не сталкивался с людьми, пережившими пятый уровень угрозы. Именно такой уровень был объявлен в космопорту год назад. Именно после этого инцидента, Алексей Алексеевич Кудахин скончался в больнице через несколько дней. Именно этот вопрос вас занимает, когда вы общаетесь со мной, и вы хотите видеть меня своим помощником или союзником. Поэтому предлагаю присесть на лавочку и всё обсудить.

– Может быть, мне просто принять вашу анкету и запихать в капсулу. Вы же доброволец. Приходите завтра, Вера вас устроит.

– Не юродствуйте, Захар Андреевич. Давайте лучше присядем. Вон отличная лавочка.

Рябинин как-то обречённо пожал плечами.

Рябинин и Кудахин на лавочке.

– Допустим, Андрей, мы примем с вами вашу версию. Что вы от меня хотите?

– Захар Андреевич, без допустим. Я прав. И вы знаете, что я прав.

– Допустим.

– Хорошо, пусть будет допустим.

– Тогда, что вы хотите от меня услышать?

– Я хочу, чтобы вы рассказали мне, чем вы реально занимаетесь. Как всё это связано с тем, случаем в космопорту, и как вы хотели меня использовать.

– Скажите, а зачем вы пришли к нам? Только оставим науку и прочую шелуху.

– Во-первых, это не шелуха. Я действительно пришёл к вам ради науки. Во-вторых, вы хотите узнать не объективную причину, субъективную. Объективно я действительно хочу помочь и поучаствовать в интересном проекте. Вы же были молоды, Захар Андреевич, тоже ведь готовы были рисковать. Разве не так?

– Скорее не так, но я понимаю. А субъективно?

– Субъективно, мне надоела моя работа. В ней есть смысл, есть потребность у общества, но рутинка меня затягивает, я хочу из неё выбраться. Ко мне постоянно приводят переживших аварии на станциях, особенно тяжёлые случаи с потерей людей. Люди сложно восстанавливаются, иногда не восстанавливаются вовсе. Но знаете, в чём ирония? Точнее, в чём разница: заниматься реабилитацией космического волка или водителя после автокатастрофы здесь у нас, на асфальте?

– Просветите.

– Разницы нет никакой. Люди теряют друг друга, умирают, расходятся. Дети уезжают и улетают от своих родителей.

Всё это потери, но всё это, одно и то же. Наши методы далеко несовершенны, они требуют новых подходов, но никто не знает каких. Мне почти тридцать, возраст не преклонный, есть возможность что-то поменять. И тут появляется ваше объявление. Конечно, я решил всё бросить. Но как только попал к вам в кабинет, понял, что меня ожидает что-то совсем иное, чем я мог предполагать. И это иное исходит от вас. Вы удовлетворены?

– Почти.

– Тогда ваша очередь.

– Я хочу задать вам пару вопросов.

– Давайте.

– Вы точно не состоите в родстве с Алексеем Кудахиным?

– Точнее некуда. Совпадение. Если бы вы не напомнили про тот случай, я бы сам вас с этим делом не связал никогда.

– Я мог бы предложить вам нечто очень интересное. Конечно, существует риск. Но вы рискнули

бы стать чем-то вроде сверхчеловека? Обладать новыми способностями, которыми до сих пор никто из людей не обладал?

– Вы не шутите профессор?

– Естественно, нет.

– Тогда мой ответ положительный. Только хотелось бы знать, какие сверхспособности я получу. Буду летать или читать мысли?

– В этом вся и заковыка. Никто точно не знает. Когда мы

вскрываем капсулы с испытуемыми...

– Что вскрываете?

– Капсулы. Я совсем забыл, что вы совершенно не в теме.

Вы слышали что-нибудь о виртуалах?

– Нет, не доводилось.

– Если коротко, то это люди, которых мы погружаем в виртуальный мир. Он формируется их мозгом, как не знаю. Мы можем только частично создавать образы, которые могут трансформироваться в подсознании. Эти люди, погружённые в капсулы, проживают сотни и тысячи лет в своих мирах, а при выходе могут не только поделиться новыми открытиями, но и измениться сами.

– Захар Андреевич, я готов в капсулу хоть сейчас.

– В этом то и проблема. При медленном выходе из капсулы, результаты почти на уровне нуля. При быстром выходе есть ряд случаев с невероятными результатами. Но из нескольких сотен виртуалов, только несколько положительных случаев. Остальные покойники или клиенты психбольниц.

– Что же вы хотите предложить мне.

– Я считаю, что есть один способ, но это моя личная идея. Она не проверена, и никто не гарантирует, что вы не будете после этого пускать слюнявые пузыри.

– Её можно обсудить.

– Можно, но не сейчас. Есть ещё одна проблема. Вы можете стать таким человеком, который будет опасен для окру-

жающих. Полностью бесконтрольным.

– Опасен плохо. Бесконтрольный, но что тут плохого? Я вполне адекватен и не собираюсь применять ничего против общества. Зачем меня контролировать?

– А если вы захотите кого-то убить?

– Убить? Это что-то невероятное. Как я могу захотеть? Я не могу, я даже представить себе не могу, как убить человека и что он должен такое сделать мне, чтобы я захотел его убить.

Рябинин насмешливо посмотрел на Андрея.

– Наверное, мы договоримся, но позже. Давайте созвонимся завтра.

– Постойте, а как всё это связано с космопортом?

Рябинин встал.

– Спокойной ночи, Кудахин. Всему своё время.

На большой поляне у реки отдыхают сотрудники лаборатории, вместе с Монро. Шашлыки, мяч, гитара.

– Поль Иванович, расскажите, а кем вы были в своём виртуальном мире? Что делали?

– Вера, вы отдыхаете или нет?

– Поль Иванович, но на работе мы об этом не поговорим, а здесь можно.

– Тем более, – добавил Семён. – Это очень интересно. Вдруг кому-то из нас придётся лечь в капсулу.

– Согласен с молодёжью, – добавил Антон Николаевич. – А Путееву, пока он с нами это может вдвойне пригодиться.

Хотя бы что-нибудь необычное, не надо всю вашу биографию за десять тысяч лет.

– Ну, хорошо, если только необычное, – Поль присел у разложенной на земле скатерти.

Вокруг собрались остальные, кого-то окликнули и когда все устроились, пошутили, потолкались и успокоились, Модро начал.

– Самое главное, с чего нужно начать, так это с того, что я до сих пор не до конца адаптировался здесь. Мне сняться сны из моего мира. Я просыпаюсь по ночам то царём, то советником президента, то вдруг снова режу врагов. Да-да, вы не ослышались. В моём мире я перешагнул черту убийства человека. Моё сознание было загружено в период формирования государственности. Можно сравнить с началом средних веков у нас, хотя всё очень неравномерно. В те времена убийство человека было самым обычным делом.

– Скажите, а сейчас, здесь в нашем времени. Вы смогли бы убить человека?

Поль прикрыл глаза, подавляя нахлынувший гнев. Потом медленно произнёс.

– Конечно. Но надеюсь таких проблем в нашем мире не возникнет. И попрошу не муссировать этот вопрос.

– Поль Иванович, а необычное?

– Пожалуй, самое необычное было в том, что я столкнулся с самим собой.

– Двойник?

– Нет. Я, моё «Я», было в другом образе. Даже близко не было у меня там сомнений, что я это я, т.е. никакого воспоминания, что у меня другое тело.

– И какой вы там были?

– Сильный, высокий, красивый.

– Банально, Поль Иванович.

– Хорошо, Семён. Когда ты будешь погружаться в капсулу, выберешь себе что-то своё.

– Я хочу остаться собой.

– Возможно, ты прав. Но сила, в определённые времена, простая физическая сила, была залогом уважения. Поэтому планируя работу с людьми, надо это учитывать.

– А как прошла встреча с самим собой?

– Довольно поверхностно. Самое главное, что тот второй, раскрыл, что я это не я. У него была версия, что я пришелец из другого мира или Бог. К тому моменту я сам давно забыл, кто я на самом деле, возможно, это и привело к побочному эффекту. Появился я реальный, который искал мою сущность. Сам себя я не узнал, хотя лицо показалось мне знакомым. Когда я вернулся в наш мир, то для меня моё лицо стало открытием. Я с трудом пережил этот момент.

– Вы же выходили резко, без адаптации?

– Да, Антон Николаевич. Это было случайное отключение, которое позволило сохранить мне ряд воспоминаний и знаний.

– Это безумно интересно, но я никогда не соглашусь пой-

ти в капсулу. Я не такая смелая.

– Вера, никто никого туда насильно не гонит.

– Может быть, и я вам что-то интересное расскажу, когда вернусь, – пробасил Путеев.

Все посмотрели на него, и весёлые улыбки слетали с лиц.

– Ну не надо грустить, товарищи! Я понимаю и отдаю себе отчёт. Мы вместе с вами делаем одно важное дело, но я в пехоте, а вы генералы. Точнее штаб, который отдаёт приказы. Правильно, товарищ Монро?

– Верно, Путеев, верно.

– Видите, я всё запомнил. Вернулся же ваш начальник, может быть, и я вернусь.

– И то верно, ребята. Что же мы грустить будем? Дайте-ка мне гитару, – воскликнул все время молчавший Рябинин.

– Захар, а ты на гитаре играешь?

– А то, Поль. Ты просто забыл, – Захар перебирал струны.

– Ох, ты, даже не вериться, что это наш Захар Андреевич.

– Вера, когда начнём работать, я снова буду строгим!

– Ладно вы, Захар Андреевич, я к вам в доверие втираться буду. Глазками моргать.

– Это она умеет.

– Семён, как тебе не стыдно выдавать мои тайны?

– Знаете древнейшую песню человечества про космонавтов и космос?

Рябинин ударил по струнам:

Земля в иллюминаторе, земля в иллюминаторе

Земля в иллюминаторе видна...

Как сын грустит о матери, как сын грустит о матери

Грустим мы о земле – она одна

А звезды тем не менее, а звезды тем не менее

Чуть ближе, но все также холодны

И, как в часы затмения, и, как в часы затмения

Ждем света и земные видим сны

И сразу несколько человек подхватило припев:

И снится нам не рокот космодрома

Не эта ледяная синева

А снится нам трава, трава у дома

Зеленая, зеленая трава

Монро смотрел на своих сотрудников, весело подпеваю-

щих Захару и рассеяно улыбался. Ему вспоминались зелёные луга на месте будущего Царьграда. Неслух, привязавшийся к нему как сын, которого он и любил как сына, который был ему дороже всех на свете, и потеря его осталась для него самым большим рубцом. Старейшина поселения, смотревший на него как на бога. Там он был Олексой. И это имя было ему ближе, чем Польш Иванович Монро. Там он был защитником своего народа, царём и Богом, там у него было всё. Осознание, что всё это нереально, вымышлено, оставалось только осознанием, но подсознание не воспринимало действительность. Монро не помнил ни своих родных, ни своих друзей, он не помнил даже себя. Он был Олексой и, реальность того мира была ближе, чем этого.

Монро не заметил, как кончилась песня, как наступила тишина, как все взоры были обращены на него.

– Что такое?

– Вы плачете, Польш Иванович.

– Правда. Это случайная слеза, – Польш провёл ладонью под глазом. – Не обращайтесь внимания, ребята.

– Вы что-то вспомнили грустное?

– Скорее безвозвратное.

– Скажите, а вы бы хотели снова вернуться в капсулу?

– Временами, да, но проблема в том, что я хотел бы вернуться на зелёные холмы Царьграда. Великой столицы моего царства, чтобы скакать там навстречу ветру со своими дружинниками. Со своим сыном. А в капсуле нет гарантий

возврата в тот мир, есть гарантия ухода из этого. Чувствуете разницу?

Кабинет Монро. Рябинин в кресле, крутит в руках ручку. Поль, заложив руки за спину, ходит вдоль окон.

– Прости, уже спрашивал тебя, кажется. Не очень понял твой ответ, – начал Рябинин.

– Говори, Захар, – Монро остановился напротив кресла.

– Мне не понятно, зачем ты решил продолжить именно эти исследования. Ты мог бы сделать массу полезного для общества, с твоим багажом знаний. Ты ведь единственный человек, проживший мозгом несколько тысяч лет. Неужели тебе нечего дать человечеству? Может быть новое устройство общества, технические открытия? – Рябинин положил ручку на журнальный столик и посмотрел на Поля, который немного поджав нижнюю губу, кивал в такт его вопросов.

– Ты всё? – спросил Монро, немного помолчав.

– Всё.

– Тогда слушай, – Поль продолжал стоять, раскачиваясь с носка на пятку. – Человечество достигло определённых положительных результатов в своём развитии. Результаты неплохие, а на самом деле потрясающие. Мы наконец-то научились жить без войны, убийство человека человеком может носить исключительно случайный характер. Есть масса недочётов, но в целом общество развивается ровно, уверенно и грамотно. Что-то менять, тем более кардинально, я не

вижу смысла. То есть это возможно, но это не важно, не имеет принципиальной необходимости, когда все сыты, обуты, одеты и в безопасности.

Монро повернулся и пошёл вдоль окон, продолжая говорить.

– Что касается технических предложений, которые я мог бы сделать, это возможно. Но это тоже не принципиально по времени, на досуге что-нибудь набросаю в интернет для студентов, они быстро мысль разовьют. Но!

Поль остановился снова против кресла с Рябининым.

– Я столкнулся с тем, что является действительно важнейшим и интереснейшим. Я хотел бы назвать это биологическим прогрессом человечества. Новый рывок, в новую реальность. Новые люди и новые возможности, не в переносном, а в буквальном смысле новые люди и новые возможности. Это самое захватывающее дело, у истоков которого мне доводилось стоять последние сотни лет. Его нельзя и не нужно отодвигать. Такого прогресса, такого развития у людей ещё не было.

– По-моему, весь прогресс заключается в одном единственном лице. Не маловато? А если это не прогресс, а исключение из правил. Цепь случайностей, которая не повторится ещё миллиарды лет?

– Да, Захар, ты прав. Всё возможно. И моя, – Монро усилил голос. – Наша задача, решить этот вопрос так, чтобы случайность повторилась, чтобы у нас появились десятки и сот-

ни Монро или кто-то лучше Монро. Её надо решать и я очень рад, что занимаюсь именно этим и считаю это важнейшим направлением человечества.

– Почему ты тогда не поехал в лабораторию на Луну?

– Захар Андреевич, ну что за глупый вопрос? На Луне вы бы сделали из меня подопытного кролика. Максимум, что позволил бы вам страх – это не убить меня, а держать из любопытства в клетке. Здесь я творец, я сам ученый, я ставлю опыты и делаю выводы. И делаю это не хуже, а намного лучше твоих коллег на Луне. И ты должен быть рад, что работаешь в моей команде.

– Я рад. Я рад. Просто хотел понять тебя Поль, или лучше называть тебя Олекса?

Монро вздрогнул.

– Прошу тебя, больше так не делать.

Мартова за столом у себя в кабинете просматривает какие-то бумаги. Раздаётся зуммер звонка.

– Слушаю.

– Здравствуй Оля. Это Екатерина Дмитриевна.

– Слушаю вас.

– Как там устроилась на моём месте? Слышала, неплохо сработалась со всеми?

– Екатерина Дмитриевна, вы звоните по закрытому каналу связи, чтобы узнать как у меня дела в вашем кресле?

– Да, Ольга, ты права. Мне нужна твоя помощь.

– Всем, чем смогу.

– Я нашла нашего старого друга и того маленького профессора, который пропал на реке.

Мартова побледнела. Невольно сглотнула и потянулась к воротнику, который вдруг начал давить.

– Я, – едва слышно выдавила она. – Я правильно вас поняла, Екатерина Дмитриевна?

– Полагаю да.

– Где?

– На Земле. В одном прекрасном городишке, точнее большом городе.

– Что вы хотите от меня?

– Молчание и помощь.

– Помощь гарантирую, молчание на свое усмотрение.

– Хорошо. На следующей неделе я смогу исчезнуть у себя и появиться у тебя. Позвоню, назначу встречу. Если у тебя проблемы во время общения, то скажи, что планируешь сходить к врачу.

– Понятно. Кого могу подключить?

– На этом этапе никого. Мы встретимся, всё обсудим. Будет план работы, будем подключать.

Мартова медленно положила трубку на стол, глядя на свои дрожащие пальцы.

Квартира Рябинина. Захар поставил на журнальный столик две чашки чая. Андрей Кудяхин оглядывал всё, сидя на

диване.

– Неплохо вы устроились. А где семья?

– Семья в Москве, но мы почти не живём вместе. Уже много лет. Я разменял, в своё время, семью на работу.

– Не жалеете?

– Теперь поздно жалеть или не жалеть. Привык. Дети взрослые, общаемся раз в полгода, – Рябинин уселся в кресло напротив и подвинул чашку к Андрею. – Пейте чай.

– Спасибо. Захар Андреевич, а можно мне немного пожить у вас. Мне в Казани остановиться негде, а гостиница не лучший вариант.

– Валяйте, что ж с вами делать.

Андрей отхлебнул из кружки.

– О! Отличный чай.

– Издержки холостяцкой жизни. Что-то надо уметь делать самому.

– У вас неплохо получается. Все прибрано, аккуратно. Не скажешь, что холостяцкая берлога. Вы занимаетесь спортом? – Кудяхин показал глазами на гирию у окна. – Сколько кило?

– Шестнадцать килограмм. Сейчас не занимаюсь, просто таскаю с собой по привычке.

– Но, может быть, к делу?

– К делу, Андрюша, так к делу, – Рябинин поставил чай, откинулся назад и, прищурясь, посмотрел на Кудяхина. – А статью вы с Алексея.

– Вы про начальника космопорта?

– Да. Крепкий был мужик. Мне пришлось о нём подробно узнать всё, когда Монро собирался погружаться в камеру. Поль решил использовать его образ. Теперь никак не может привыкнуть к своему родному.

– Наверное, это тяжело?

– Спросите у него сами. Наш Поль Иванович человек очень непростой, как вы понимаете. Он виртуал, причём с удачным и очень неоднозначным возвращением. Обладает рядом способностей, которые позволили ему скрыться от всех нас и потом нас переиграть. По сути, мы занимаемся незаконными исследованиями с руководителем, который живёт по поддельной легенде. Он вне закона.

– Простите, мне не очень понятно как так и почему. И почему вы не сообщите, куда следует? Вы заодно?

– Я не могу сообщить никуда, т.к. это бессмысленно. Ваш однофамилец был начальником космопорта, когда случайно раскрылась капсула Монро в прилетевшем шаттле. Был объявлен пятый уровень опасности и рассматривалось уничтожение всего космопорта со всеми пассажирами. Пятьдесят тысяч человек вместе с персоналом могли зажарить заживо.

– Это невозможно. Вы говорите что-то невероятное. В наше время. На нашей планете!

– Вы же работали с космонавтами, Андрей, и знаете, что существует пятый уровень опасности. Такая опасность подразумевает угрозу существования всей планете, всему насе-

лению. В таком случае речь идёт не о морально-этических вопросах, а о простой математике. Знаете, что дороже человеческой жизни?

– Философский вопрос.

– Нет. Дороже человеческой жизни две человеческие жизни. И выбор может быть крайне неприятным.

– И всё же я с трудом могу в это поверить. Шокирующая новость. Что дальше?

– Дальше Монро сбежал. Устроился рыбку ловить в лесу. В процессе поиска удалось выяснить, что он может изменять скорость восприятия окружающего мира и двигаться с этой скоростью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.